
ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2

DOI: 10.31249/hoc/2023.04.02

*Илюкович И.В.**

АРИСТОКРАТИЗМ КАК ПОНЯТИЕ В КУЛЬТУРЕ[©]

Аннотация. В статье рассматривается понятие аристократизма с точки зрения его значения в истории европейской культуры. Принцип аристократизма санкционирует иерархическую градацию, ставит в центр внимания культуры «великие и удивления достойные деяния» лучших людей. Фигуры аристократов предстают для культуры своего рода актерами, тщательно отобранными и подготовленными для этой роли, раскрывающими в своей игре человеческий потенциал, жизнь по самому высокому счету.

Ключевые слова: аристократия; массовое и элитарное; иерархия ценностей; традиция; человек и культура.

* *Илюкович Илья Владимирович* – магистр культурологии, магистр теологии, аспирант кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, ich2004@yandex.ru

Iliukovich Iliia Vladimirovich – MA in Cultural studies, MA in Theology, Postgraduate student at the Department of Theory and History of Culture of the Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, ich2004@yandex.ru

© Илюкович И.В., 2023

Поступила: 19.07.2023

Принята к печати: 15.08.2023

Для цитирования: Илюкович И.В. Аристократизм как понятие в культуре // Вестник культурологии. – 2023. – № 4(107). – С. 29–44. – DOI: 10.31249/hoc/2023.04.02

Iliukovich I.V.

Aristocracy as a concept in culture

Abstract. The article examines the concept of aristocracy from the standpoint of its significance in the history of European culture. The principle of aristocracy sanctions the hierarchical structure, puts the “great and marvelous deeds” of the best people in the focus of culture. The figures of aristocrats appear to culture as a kind of actors, carefully selected and prepared for this role, revealing in their performance the human potential, life of the highest account.

Keywords: aristocracy; mass and elite; hierarchy of values; tradition; human being and culture.

Received: 19.07.2023

Accepted: 15.08.2023

For quoting: Iliukovich I.V. Aristocracy as a concept in culture // Bulletin of Cultural Studies. – 2023. – № 4(107). – P. 29–44. DOI: 10.31249/hoc/2023.04.02

Цель данной статьи – рассмотрение понятия аристократизма с точки зрения его значения для европейской культуры, идей и основных смыслов, которые вкладывали в него в течение веков. Не претендуя на полноту освещения и всесторонний охват, здесь предлагается попытка описать, как это понятие включало в себя «налично данные» в истории представления и традиции, выявить наиболее общее и характерное в них, представить сжатую характеристику аристократизма. Об европейской аристократии существует достаточно большое количество исследований, изобилующих фактами, статистикой, биографическими примерами, данными мемуаров и пр., что говорит о хорошей проработанности многих исторических и социологических аспектов, особенно в зарубежных изданиях (см.,

например, подборку литературы [Doyle, 2010, p. 107–114]). Однако, как представляется автору, основная проблема трудов на данную тему заключается в том, что, предоставляя публике объемный фактический материал, исследователи не уделяют достаточного внимания его культурологическому и философскому анализу. Разбирая явления аристократизма в истории, они в лучшем случае рассматривают их через парадигму современных идеологий, подвергая анализу их социальные или экономические предпосылки, но не останавливаясь на том, что заключали в себе данные явления как целое, в рамках мировоззрения и мироощущения человека, принадлежащего к определенной культуре определенного исторического периода. Как целостное явление, за которым стоят идеалы и чаяния целых эпох, аристократизм остается малоизученным.

Наибольший философский и культурологический интерес к заявленной теме возник в XIX – начале XX в. как ответная реакция на кризис сословной социальной структуры, приведший к исчезновению классовой дифференциации и лишению традиционной аристократии своей доминирующей роли в общественной жизни. К этому периоду относятся работы А. де Токвиля, Ф. Ницше, О. Шпенглера, Х. Ортеги-и-Гассета, а из отечественных философов – К.Н. Леонтьева, Н.А. Бердяева и И.А. Ильина, поднимавшие тему аристократизма и предлагавшие варианты его новых форм существования в изменившемся мире. В советской России тема аристократизма по известным причинам практически не исследовалась, тем более возрос интерес к ней отечественных ученых в последнее время. Травматический опыт XX века в России, поколенческий разрыв, исчезновение дворянской традиции, десятилетия сознательного «антиаристократизма» и нарочитой «народности» советской культуры особую важность в изучении аристократизма придают именно культурологическому подходу, позволяющему реконструировать явление, непосредственная связь с которым оказалась безвозвратно утерянной. Так, в теоретико-культурологическом ключе из современных российских исследований необходимо отметить серию работ об аристократизме О.П. Зубец. В них, следуя за концепциями Шпенглера и Бахтина, аристократизм рассматривается через категорию поступания, как первенство поступка в качестве самоутверждения субъекта, центрирующего собой мир. Аристократическое начало при этом противопоставляется мещанскому,

которые вместе составляют «два типа локализации субъекта по отношению к миру ценностей: центральный и периферийный» [Зубец, 2009].

Помимо специфики сугубо постсоветской, контраст между тем исключительным местом, которое исторически отводилось фигуре аристократа в европейской культуре благодаря ее длительному пребыванию в центре внимания и фокусе общественной жизни, и отсутствие этой самой фигуры в парадигме культуры современной делают тему аристократизма существенной для понимания динамики культурного развития. И исходное положение современного исследователя будет радикально отличаться от положения того же Шпенглера, все еще находившегося в контексте «заката аристократизма».

Понятие *аристократия* впервые стало употребляться в Древней Греции и означало не определенную группу людей, но форму правления. Применять этот термин как указатель на высший социальный класс стали значительно позже. Изначально *аристократия* (греч. ἀριστοκρατία, ἀριστος или ἀριστεύς, лучший, славнейший, знатнейший, доблестный и κράτος, власть, государство, могущество) – это власть лучших. В «Государстве» Платон описывает «лучших людей» как тех, кто наиболее сведущ в определении и следовании общим интересам [Платон, 2008, с. 347–348]. Они надежны, мужественны, благообразны, трудолюбивы. Это те, которые прошли длительное обучение и не обладают значительным имуществом, которое вынуждало бы их преследовать собственные интересы более, чем общественные. Согласно Аристотелю, аристократия – это «власть немногих, но более чем одного... или потому, что правят лучшие, или потому, что имеется в виду высшее благо государства и тех, кто в него входит» [Аристотель. Политика, кн. 3, V, 1, 1983, с. 457]. Таким образом, это форма правления немногих наиболее добродетельных, и ее нужно отличать от олигархии, до которой она легко может быть извращена, когда преследует интересы только богатых. Тем не менее согласно Аристотелю, богатство аристократической власти необходимо, для того чтобы поддерживать возможность досуга и избавлять от искушений, что значимо для обладателей государственных должностей. Таким образом, при аристократии должностные лица избирались «не только по признаку благородного происхождения, но и по признаку богатства» [там же, кн. 2, VIII, 5, 1983, с. 438]. И если главным свойством аристократиче-

ской знати является добродетель, это качество более вероятно найти среди людей образованных и из хороших семей, чей славный род свидетельствует о добродетели, идущей из древности.

В дальнейшем с окончанием эпохи Античности термин *аристократия* исчез из употребления. Вновь применяться он начал с XV в., по-прежнему обозначая форму правления, а также само государство, управляемое знатью [Doyle, 2010, р. 4]. Подобным образом говорит об аристократии французский философ эпохи Просвещения Монтескьё. Согласно его трактату «О духе законов» (1748), существует три основных типа государств: республика, монархия и деспотия. Аристократия, по его представлению, была такой формой республики, в которой правили немногие вместо многих [Монтескьё, 1955, кн. 2, гл. 2]. Это правящее меньшинство он определил как *знать*, *дворянство* (лат. *nobilitas*, от *nobilis*, известный, знаменитый, благородный) – однако же подлинное предназначение дворянства, по Монтескьё, раскрывается в монархиях. В ней они играют существенную роль как промежуточная сила между монархом и его подданными, поддерживающая законы и оберегающая государство от скатывания к деспотии. Согласно его представлениям «нет монарха, нет и дворянства, нет дворянства, нет и монарха» [там же, кн. 2, гл. 4].

В XVIII в. об аристократии стали говорить в контексте зарождавшихся революционных движений и классовой борьбы. Когда американцы отреклись от верности британскому монарху Георгу III и установили республику, они провозгласили, что любая форма дворянства несовместима с их новым государством. Они также начали говорить об опасности «аристократии» поднимающейся власти богатства, игнорируя тем самым различие Аристотеля между аристократией и олигархией. Этот же термин использовался французскими революционерами для описания своих противников в борьбе за уничтожение привилегий и власти французского дворянства. Так термин *аристократия* в этот период стал именовать не только форму правления. Он начал указывать на власть определенной социальной группы и тех, кто ее поддерживал. Он также обозначал саму эту группу в целом. *Аристократия* и *знать* в конце концов в европейской общественной мысли стали взаимозаменяемыми понятиями, отсылающими к европейской элите. (Приводится по: [Doyle, 2010, р. 6].) В этом же значении применяется понятие *аристократии* и в наши дни.

При столкновении с культурами неевропейских стран европейцы неосознанно описывали своими собственными категориями то, что они находили в них. Соответственно, термин *аристократия* употреблялся ими для характеристики социальных элит неевропейских стран, находящихся в ином культурном и историческом контексте. Ряд исследователей и сегодня применяют этот термин весьма широко по отношению к другим культурам разных эпох. Однако допустимость таких обобщений необходимо ставить под вопрос. Далеко не все элиты можно характеризовать через понятие аристократии с учетом тех смыслов, которые исторически заложены в нем.

Если говорить о понятии *аристократии* с точки зрения его значения для культуры, как представляется автору, не стоит ограничивать его своим распространенным современным употреблением, как указывающим только на определенный слой исторически сложившейся привилегированной родовой знати, необходимо рассматривать его в наиболее универсальном и исходном виде. В исходной сжатой характеристике:

- ***аристократ*** – лучший,
- ***аристократия*** – лучшие люди, власть лучших,
- ***аристократизм*** – принцип ориентации на лучших.

Именно к таким исходным дефинициям обращались в кризисные времена, когда естественное продолжение аристократических традиций ставилось под вопрос. Это и образ идеального рыцаря Дон Кихота в послерыцарскую эпоху у Сервантеса, и «духовный аристократизм» эмигранта Бердяева («Философия неравенства», см.: [Бердяев, 1990]), и попытки подняться над мещанством в «сверхчеловеке» у Ницше и т.д. Ф.М. Достоевский, предугадывая конец российского дворянства, в романе «Подросток» видел продолжение его миссии таковым:

«Наше дворянство и теперь, потеряв права, могло бы оставаться высшим сословием, в виде хранителя чести, света, науки и высшей идеи и, что главное, не замыкаясь уже в отдельную касту, что было бы смертью идеи. Напротив, ворота в сословие открыты у нас уже слишком издавна; теперь же пришло время их отворить окончательно. Пусть всякий подвиг чести, науки и доблести даст у нас право всякому примкнуть к верхнему разряду людей. Таким образом, сословие само собою обращается лишь в собрание лучших людей, в смысле буквальном и истинном, а не в прежнем смысле привилегированной

касты. В этом новом или, лучше, обновленном виде могло бы удержаться сословие» [Достоевский, 1975, с. 177–178].

Итак, *аристократизм* описывает такой принцип формирования пространства культуры, согласно которому в ее фокусе находятся лучшие, *ἀριστος*. Дословно *аристократия* – правление лучших, власть наиболее мудрых, благородных и доблестных. *Аристократизм* в качестве принципа формирования культуры означает выстроенность культуры и принадлежащего ей общества в соответствии с иерархией, наличие в обществе задающей смысл вертикали, направленность всех его участников из всех классов на *лучших*. А *лучшие* при этом сохраняют свою исключительность не только благодаря собственным личным качествам. Обоснование элиты лишь через личные качества, талант и собственные достижения – идея сравнительно поздняя, нашедшая свое выражение в понятии меритократии у Майкла Янга [Young, 1958]. Аристократия же исходно связана с сакральными смыслами, ищет истоки своей легитимности в мире божественного, выделяется из среды простых смертных своей особой избранностью и освященностью. Личные достоинства аристократа воспринимаются не чем иным, как даром свыше, благословением и призванием. Отсюда важность родового преемства и семейных традиций, тщательное хранение голубой крови. Согласно исходным мифологическим представлениям Античности, древность происхождения рода и его слава была необходимой предпосылкой появления на свет «лучших людей», поскольку указывала на их укорененность в божественном. У Гесиода и Гомера цари и герои происходили от мифических персонажей и богов. Элита Древнего Рима – патриции – считали себя лучшими людьми (*лат. optimates*), поскольку являлись потомками основателей города Ромула и Рема, которые, в свою очередь, были детьми весталки Реи Сильвии и бога Марса. Христианизация Европы внесла свое понимание сферы сакрального и ее соотносительности с аристократией, сохранив, однако, исходную интуицию иерархичности и освященности.

Таким образом, общество, в котором действенен принцип аристократизма, имеет санкцию свыше и сохраняет предельную направленность. Все его участники соотносят себя с верхами, а последние при этом живут согласно высоким идеям, стараясь отвечать своему призванию и задавая высокую планку остальным. Все участники такого общества «играют в царство». Если речь идет о монархии, то такое

«царство» формируется при дворе царя-помазанника, во главе общества лучших людей, предстоящего за весь народ перед Богом. В игру при этом включаются все, «короля играет свита». О порождающем характере игры и игрового начала для культуры весьма убедительно высказался Й. Хёйзинга (*Homo ludens*) [Хёйзинга, 1997]. Принимая во внимание его исследование, можно сказать, что такая высокая аристократическая игра становится онтологическим обоснованием монархической культуры, источником ее легитимности. Тем не менее сам принцип аристократизма не зависит от какой-либо определенной формы правления, он может найти свое воплощение и в монархиях, и в демократиях. Секуляризация культуры может отодвинуть на второй план религиозные и мифологические основания аристократизма, им же выстроенная лично ориентированная на *лучших* вертикаль будет оставаться неизменной. Непосредственное воплощение принципа аристократизма в культуре европейских стран представлено как централизованной придворной культурой Франции, поддерживающей сословное единство всех рангов французской аристократии, так и полицентричным феодализмом германских земель, при котором границы между группами немецкой знати были весьма прочными [Зайцева, 2013].

Аристократизм в искусстве также может быть определен через присутствие в нем иерархии смыслов и деление на искусство «высокое» и «низкое». Собственно, «высокое искусство» и являет собой искусство как таковое, *par excellence*, так как прежде всего именно в нем человек стремится разрешить предельную задачу: добраться до трансцендентного, достигнуть совершенства в форме, образе или созвучии, высказать что-либо значимое и универсальное о человеке, мире, Боге. Поэтому принцип аристократизма есть необходимая предпосылка формирования аксиосферы культуры и искусства, при его отсутствии они подвержены опасности деградации и обесмысливания. Смена социальной структуры не привела к исчезновению традиционной иерархии в искусстве; и сегодня исследователи по-прежнему ведут речь об искусстве массовом и элитарном, с их сложными взаимоотношениями, от противостояния и закрытой субкультурности привилегированных групп интеллектуалов по отношению к потребителю массовой культуры, до диалога и взаимного переплетения «высокого» и «низкого». Элитарность по-прежнему остается «как планка, задаваемая

всем участникам культурного процесса, как ориентир, образец, идеальный стандарт» [Ремезова, 2022, с. 205–206].

Можно обнаружить сходство в отношениях понятий *аристократ* – человек и такой базовой для культурологии понятийной пары, как *культура* – *природа*. Этимологически *культура* (лат. cultura, возделывание, земледелие) – это преобразование, оформление, преображение природы, «вторая природа» в ее творческой завершенности, возделанности, наполненности смыслом. *Аристократы* же – это лучшие из людей. И если *культура* выявляется через оппозицию-отрицание *природы*, то *аристократия* противопоставляется черни, плебсу, простолюдинам – миру человеческого в его косности, незавершенности, неотесанности, неоформленности. *Аристократия* в этом смысле для культуры является понятием, через которое человеческая *природа* выражает себя в наиболее совершенном-окультуренном виде. *Аристократ* – это человек как таковой, человек по преимуществу, человек, которому более всего удалось раскрыть и реализовать свой потенциал.

Фокус внимания культуры и искусства на фигуре аристократа проходит через все европейские исторические эпохи, существенно ослабевая лишь в XX столетии. И дело здесь не только и не столько в господствующих и разделяемых всеми «классовых предрассудках», сколько в желании показать меру доступного человеку, меру человеческого совершенства, поставить в центр внимания и человеческой истории, по выражению Геродота, «великие и удивления достойные деяния», жизнь по самому высокому счету. Обращаясь к фигуре аристократа – царя, героя, богатого и знатного дворянина, – художники, писатели и поэты говорили о человеке как таковом в его универсальном и общезначимом качестве. Фигуры аристократов являлись для них своего рода актерами, тщательно отобранными и подготовленными культурой для этой роли, проигрывающими в художественных произведениях все возможные для человека жизненные сценарии. Благодаря своему центральному месту понятие аристократизма приобретает особую значимость в культуре. Если историческая наука уже давно отошла от традиционного подхода авторов древних хроник к описанию истории через деяния царей, то для исследования национального мифа и мировосприятия человека такой взгляд может быть оправдан. Через аристократизм оказывается возможным выявлять характерные свойства и особенности культуры, ее структуру. Методом

анализа вариаций аристократического в разных странах, изучения развития аристократизма сквозь эпохи можно раскрывать основные характеристики культур европейских стран.

Если говорить о сословном делении общества в феодальную эпоху, первым сословием считалось духовенство, поскольку отвечало за религию как связь и выход в трансцендентное (*лат.* *religare* – связывать, соединять). Рыцарское сословие считалось по статусу вторым. И то и другое сословие должно было постоянно подтверждать свой высокий статус. За свое привилегированное положение этим сословиям приходилось платить тем, что к ним средневековым обществом предъявлялись чрезмерные требования. От монашества и клира ждали аскетизма и самоотречения, в пределе – святости жизни. От воинов-рыцарей требовали героизма и подвигов на поле брани. Высшим сословиям необходимо было следовать большому количеству всевозможных запретов и предписаний, затрагивающих все аспекты их жизни, от этикета, манер, стиля одежды до жестких правил субординации и ограничений в личной жизни. «Невольники чести», по выражению Лермонтова, высшие сословия становились заложниками высоких идей – будь то героических, рыцарских, монашеских или дворянских, в зависимости от контекста эпох. В то же время к сословиям низовым культура была гораздо более снисходительна и менее требовательна по части личностных качеств, образованности, внутренней выделки, призывам к самопреодолению или жертве. Простолюдинам – ремесленникам, торговцам или крестьянам – достаточно было оставаться самими собой, в этом своем качестве создавая семьи и трудясь на благо общества, играя отведенную для них социумом роль, предопределённую для них, как правило, местом и средой своего рождения, и не претендуя на что-либо большее. Соответственно и находились выходцы из таких сословий на менее почетных ступенях социальной иерархии.

Тем не менее аристократизм как принцип организации культуры характеризует не только высшие сословия общества или ориентацию на высшие сословия. Аристократизм пронизывает всю культуру. Иерархическая градация общества проходит также и внутри каждого отдельного класса или сословия – будь то низшего, среднего или высшего; в каждом из них обнаруживаются свои *лучшие* и наиболее авторитетные. В средневековой аристократии традиционно выделяют три основные группы: рядовое дворянство и рыцарство, титулованное

дворянство (бароны, графы) и высшая знать, выходцы из княжеских и королевских родов, в руках которой сосредоточена большая часть власти, которая и играет роль подлинной аристократии [Зайцева, 2013, с. 65]. Но даже в низших классах и низовой народной культуре можно выявить на свой лад присутствующую вертикаль и свой момент аристократического. Обращаясь к образу человека из народа, простолюдина, великие художники изображали его так, что его «простонародность» со свойственными ей особенностями и недостатками преодолевалась, преображалась, выходила вовне, соотносилась с высоким. Преодоление это в произведениях живописи происходило, с одной стороны, через выявление темы служения как долженствования и призвания, с другой – через аристократизацию самого образа простолюдина, при которой художник поднимал простолюдина до своего уровня, признавал и раскрывал в нем качества благородного человека [см.: Сурикова, 2014; Юрченко, 2023].

Аристократизм, утверждая иерархичность общества и санкционируя его сословную структуру, возводя в ранг добродетели служение низших слоев населения высшим, не отменяет такие реалии, как свобода и равенство. Известны слова присяги, которую приносили испанские дворяне-кортесы королю Арагона: «Мы, которые не хуже тебя, клянемся тебе, который не лучше нас, принять тебя нашим королем и повелителем, если ты будешь блюсти наши вольности. А если нет, то нет» [см.: Giesey, 1968]. Именно высшие слои общества оказались первыми носителями свободы, и субординация внутри них не отменяла утверждаемого равенства и равного достоинства дворян, принадлежащих единому воинскому сообществу, согласно своим представлениям, свободно избравших путь служения, будь то монарху, сюзерену или прекрасной даме. Рыцарские турниры, поединки чести или дуэли стали манифестацией свободы, выполняя функцию подтверждения достоинства избранного круга *лучших*.

Требования к лучшим людям постоянно менялись. Европейский аристократизм знал и суровые героические и гражданские идеалы греческой и римской Античности, и сложную развитую систему титулатуры и жалованных званий средневековых княжеств с конкурирующими между собой рыцарскими орденами, и утонченные приемы просвещенческого двора, для которого владение светскими манерами значило больше, чем искусство фехтования. Тем не менее единство

аристократической традиции сохранялось как на уровне саморефлексии (аристократия последующих эпох неизменно видела себя продолжателем дела предшественников и относила начало своих родословных как можно дальше в глубь веков), так и на уровне воспроизводства ее главных интуиций. Если представить максимально сжато, аристократизм в том виде, в котором он сложился в европейской культуре, можно описывать через следующие характерные черты: сакральная санкция, избранность; религиозные и мифологические корни; иерархичность и личностная ориентация; укорененность в прошлом и традиции; блеск и царственность; героизм, идеалы чести и воинской доблести; власть, гражданственность; свобода и служение; выделка, образованность. То, как эти общие черты аристократизма преломлялись в различные эпохи в различных странах и какие смыслы они при этом несли, требует отдельного анализа.

Емко и поэтически лаконично перечисленные выше признаки аристократизма представлены в раннем стихотворении М. Цветаевой «Генералам Двенадцатого года». Здесь присутствует и безупречность облика и поступка, и античного духа героизм перед лицом смерти, и царственность как воплощение блистательной полноты жизни, праздник и бал, и старина «полустертой гравюры», обращение к событиям столетней давности, героическому для российского дворянства правремени. Цветаева с юношеским идеализмом и свойственной Серебряному веку утонченностью подчеркивает противоречие воинских качеств и светской выделки воспеваемого образа офицера-франта с его «нежным ликом», «хрупкой фигурой», «рукою, полною перстней». Битва и пир, личностный подвиг и блеск светской жизни остаются главными стихиями аристократии на все времена:

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, –
Цари на каждом бранном поле
И на балу

[Цветаева, 1994, с. 194].

Противоположность принципу аристократизма явили собой массовые общества и массовые движения XX в. Для характеристики этого нового типа общества испанский философ Х. Ортега-и-Гассет вводит

понятие «человека массы» («Восстание масс») [см.: Ортега-и-Гассет, 1997]. Это аналог идущего из древности культурного типа раба, адаптированный на современный лад, подобный, по словам Ортеги-и-Гассета, «избалованному ребенку» или «взбесившемуся дикарю», ловко пользующемуся последними достижениями техногенной цивилизации. «Человек массы», даже оказавшись на вершине социальной иерархии, остается таковым, выражая собой массу и ее интересы. В противоположность аристократии, элиты массового общества – представленные в чистоте своего принципа в авторитарных и тоталитарных режимах – не ведут народ за собой, образывая его и задавая ему смыслы существования, жизненный ритм и порядок. Напротив, они являют собой массу в ее усредненной обезличенности. Оказавшись на «верху» общества волевым усилием или случайно, они ничем качественно не отличаются от тех, кто «внизу». Личностный фокус аристократического принципа на *лучших* заменяется ориентацией на посредственное, усредненно-безличное, доступное всем. В противоположность аристократическому равенству (ср. «дворянское чувство равенства со всем живущим» у Пастернака), равенство народа и элиты массового общества оказывается, пользуясь выражением Вышеславцева, спекуляцией на понижение [Вышеславцев, 1955, VI], упрощением и примитивизацией, когда единственным и определяющим голосом в общем хоре становится голос малообразованных низов, толпы, черни. «Толпа, возникшая на авансцене общества, внезапно стала зримой. Прежде она, возникая, оставалась незаметной, теснилась где-то в глубине сцены; теперь она вышла к рампе – и сегодня это главный персонаж. Солистов больше нет – один хор» [Ортега-и-Гассет, 1997, с. 45].

Картина, описанная Ортега-и-Гассетом, остается постоянной угрозой, нависающей над современной культурой и современным секулярным и однородным обществом, сложившимся в результате социальных потрясений XX в. Пережив и переболев эксцессами «антиаристократизма», современная культура по-прежнему содержит в себе определенный элемент аристократического, хоть и в существенно ослабленной форме. Классовое деление и жесткая социальная иерархия, будучи снята и упрощена в процессе развития общества за XX век, остается частью культурного кода человека сегодня, оказывает влияние на его мышление, взгляды и предпочтения. Весьма интересен в этом плане пример Великобритании, которой удается в настоящее

время сочетать монархическое и демократическое начало, сохраняя классовое сознание как неформальную, но тем не менее всепроникающую систему социальной дифференциации [см.: Илюкович, 2022]. Аристократический идеал с его требовательной направленностью к трансцендентному, исторический опыт аристократизма, оставивший столь заметный след в культурных артефактах, остаются необходимой закладкой европейской культуры, формирующей (или как минимум оказывающей влияние на) ее систему ценностей.

Список литературы

- Аристотель.* Политика // *Аристотель.* Сочинения : в четырех томах. – Москва : Мысль, 1983. – Т. 4 : кн. 3, V, 1 ; кн. 2, VIII, 5. – С. 375–644.
- Бердяев Н.А.* Собрание сочинений / общ. ред. Н.А. Струве. – Париж : YMCA-Press, 1990. – Т. 4 : Философия неравенства. – 598 с.
- Вышеславцев Б.П.* Вечное в русской философии. – Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1955. – 298 с.
- Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. : в 30 т. – Ленинград : Наука, 1975. – Т. 13 : Подросток. – 456 с.
- Зайцева Т.И.* Правящая элита Франции и Германии в начале Нового времени: сравнительный аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 2(54), т. 3. – С. 65–69.
- Зубец О.П.* Аристократизм как основание поступания // Философия и этика : сборник научных трудов. К 70-летию академика А.А. Гусейнова. – Москва : Альфа-М, 2009. – С. 446–458.
- Илюкович И.В.* Современная английская культура и аристократизм // Культурный код. – 2022. – № 4. – С. 9–22.
- Монтескье Ш.Л.* О духе законов // *Монтескье Ш.Л.* Избранные произведения / общ. ред. и вступ. ст. М. П. Баскина – Москва : Гослитиздат, 1955. – Кн. 2, гл. 2., гл. 4. – С. 159–734.
- Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды. – Москва : Вест Мир, 1997. – С. 43–163.
- Платон.* Государство // *Платон.* Диалоги. Книга вторая. – Москва : Эксмо, 2008. – С. 89–454.
- Ремезова И.И.* К вопросу трактовки понятий «массовое» и «элитарное» // Вестник культурологии. – 2022. – № 4(103). – С. 189–208.
- Сурикова А.С.* Образ простолюдина у Брейгеля и Ван Гога // Начало. – 2014. – № 30. – С. 150–169. – URL: <https://slovo-bogoslova.ru/nachalo/obraz-prostolyudina-u-breygelya-i-van-go/>
- Хейзинга Й.* Homo ludens. – Москва : Прогресс – Традиция, 1997. – 416 с.

Цветаева М. Собрание сочинений : в семи томах. – Москва : Эллис Лак, 1994. – Т. 1. – 640 с.

Юрченко Е.М. Моральный закон И. Канта и тема служения в живописи // Моральная религия И. Канта в свете христианского понятия любви : сборник статей / сост. О.Е. Иванов. – Санкт-Петербург : Петрополис, 2023. – С. 98–107. – URL: <https://slovo-bogoslova.ru/publikacii/moralnyy-zakon-i-kanta-i-tema-sluzheni/>

Doyle W. Aristocracy: A Very Short Introduction. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 144 p.

Giesey R.E. If Not, Not: The Oath of the Aragonese and the Legendary Laws of Sobrarbe. – Princeton : Princeton University Press, 1968. – 288 p.

Young, M. The Rise of the Meritocracy. – London : Thames and Hudson, 1958. – 160 p.

References

Aristotel'. Politika [Politics]. In Aristotel'. *Sochineniya v chetyrekh tomah* [Aristotle. Essays in four volumes]. Moscow, Mysl' Publ., vol. 4, 1983, pp. 375–644. (In Russ.)

Berdyaev, N.A. Filosofiya neravenstva [The Philosophy of Inequality]. In Berdyaev N.A. *Sobranie sochinenij* [Collected works], ed. by N.A. Struve. Paris, YMCA-Press, vol. 4, 1990. 598 p. (In Russ.)

Vysheslavcev, B.P. *Vechnoe v russkoj filosofii* [The Eternal in Russian Philosophy]. New York, Izd-vo im. Chekhova Publ., 1955. 298 p. (In Russ.)

Dostoevskij, F.M. Podrostok [The Adolescent]. In Dostoevskij F.M. *Poln. sobr. soch. v 30 t.* [The complete works in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., Vol. 14, 1975. 456 p. (In Russ.)

Zajceva, T.I. Pravyashchaya elita Francii i Germanii v nachale Novogo vremeni: sravnitel'nyj aspekt [The Ruling Elite of France and Germany at the Beginning of Modern Times: a Comparative Aspect]. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 2 (54), vol. 3, 2013, pp. 65–69. (In Russ.)

Zubec, O.P. Aristokratizm kak osnovanie postupaniya [Aristocracy as the basis of an act]. In *Filosofiya i etika: sbornik nauchnyh trudov. K 70-letiyu akademika A.A. Gusejnova* [Philosophy and Ethics: a collection of scientific papers. To the 70th anniversary of Academician A.A. Huseynov]. Moscow, Al'fa-M Publ., 2009, pp. 446–458. (In Russ.)

Iliukovich, I.V. Modern British Culture and Aristocracy. In *Kul'turnyj kod*, no 4, 2022, pp. 9–22. (In Russ.)

Montesk'e, Sh. L. O duhe zakonov [On the Spirit of the Laws]. In *Montesk'e Sh. L. Izbrannye proizvedeniya* [Selected works], general ed. and the introductory article by M.P. Baskin. Moscow, Goslitizdat Publ., Book 2, Chapter 2., Chapter 4, 1955, pp. 159–734. (In Russ.)

Ortega-i-Gasset, H. Vosstanie mass [The Revolt of the Masses]. In Ortega-i-Gasset X. *Izbrannye Trudy* [Selected works]. Moscow, Ves' Mir Publ., 1997, pp. 43–163. (In Russ.)

Platon. Gosudarstvo [Republic]. In Platon. *Dialogi. Kniga vtoraya* [Dialogues. Book two]. Moscow, Eksmo Publ., 2008, pp. 89–454. (In Russ.)

Remezova, I.I. K voprosu traktovki ponyatij “massovoe” i “elitarnoe” [On the issue of interpretation of the concepts of “mass” and “elite”]. In *Herald of Culturology*, no 4 (103), 2022, pp. 189–208. (In Russ.)

Surikova, A.S. Obraz prostolyudina u Brejgelya i Van Goga [The Image of a Commoner by Brueghel and Van Gogh]. In *Nachalo*, no 30, 2014, pp. 150–169. URL: <https://slovo-bogoslova.ru/nachalo/obraz-prostolyudina-u-brejgelya-i-van-go/> (In Russ.).

Hejzinga, J. *Homo ludens*. Moscow, Progress – Tradiciya Publ., 1997. 416 p. (In Russ.)

Cvetaeva, M. *Sobranie sochinenij v semi tomah* [Collected Works in Seven Volumes]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1994. Vol. 1, 640 p. (In Russ.)

Yurchenko, E.M. Moral'nyj zakon I. Kanta i tema sluzheniya v zhivopisi [I. Kant's Moral Law and the Theme of Service in Fine Art]. In *Moral'naya religiya I. Kanta v svete hristianskogo ponyatiya lyubvi. Sbornik statej* [I. Kant's moral religion in the light of the Christian concept of love. Collection of articles], ed. by O.E. Ivanov, Saint Petersburg, Petropolis Publ., 2023, pp. 98–107. URL: <https://slovo-bogoslova.ru/publikacii/moralnyy-zakon-i-kanta-i-tema-sluzheni/> (In Russ.)

Doyle, W. *Aristocracy: A Very Short Introduction*. Oxford University Press, 2010. 144 p.

Giesey, R.E. *If Not, Not: The Oath of the Aragonese and the Legendary Laws of Soobarbe*. Princeton University Press, 1968. 288 p.

Young, M. *The Rise of the Meritocracy*. London, Thames and Hudson Publ., 1958. 160 p.